

Татьяна Тихонова

Иллюстрация Сергея Дергачева

Вишни эти...

В тайнике оказались ассигнации, кольца, серьги, бархатные мешочки с камнями, прохладными, гладкими на ощупь. Камни посыпались еще куда-то. Слышался шорох, голос испуганной мыши: «Сыпется и сыпется!»

Парень по привычке задвинул кирпич на место, закрыв тайник. И затих. Закричала спросонья служанка. Она решила, что кто-то лезет в ее окно.

— Вору!

Алёшка стоял в нише, затаив дыхание. Служанка пробежала мимо него, протопал дворник — проверить окна. Пробежали назад. Выплыл хозяин в ночной рубахе до пола и со свечой. Пощупал в темноте стенку в углу, возле печки, потом прошелся ладонью по плинтусу в зале. Тайники закрыты.

— Вот дур-ра, это мыши... В любом уважающем себя доме они есть. Если нет мышей, значит, и в доме нет ничего, — сонно пробормотал он.

Скоро все стихло. Алёшка выбрался через окно в кухню на задний двор. Перемахнул через забор, выскочил на дорогу. Едва брезжил рассвет. На ветке сонно покачивался нахохлившийся сычик.

— Сычик, сычик, почему не спишь?

— Работаю, семью кормить надо.

— Вот и я... работаю.

Ну да, он слышал. Слышал почему-то их голоса. Птицы, коты, псы, червяки дождевые, все гады ползучие и летучие, даже мертвецы — все отвечали ему. Почему — он не знал. И никто не знал. Мама не верила и улыбалась: «Ты просто сказочник, Алёша, мой маленький сказочник».

Птица встряхнулась. Ветка закачалась, посыпались дождевые капли. Снежные шапки тяжело срывались и падали.

— Прыгай, Алёха! — хрипло окликнули его.

По мостовой, гремя, летела таратайка. За извоз-

чика — Выдра. Мужик мутный. Ему никто не доверял, люди говорили, может долю не отдать. Но зато с ним и не пропадешь: все ходы-выходы знал, тайники и клады.

Лицо Выдры довольное. Значит, все прошло хорошо.

Алёшка побежал рядом с телегой, закинул мешок, запрыгнул сам. Выдра негромко прикрикнул:

— Н-но, не подведи!

Таратайка с грохотом пронеслась по мосту. Остался позади город. Ехали молча, трясясь на ухабах, подпрыгивая на кочках. Тянулись поля, промелькнула заброшенная мельница, верстовые столбы менялись один за другим.

— Тпру-у...

Выдра оглянулся. Дорога всегда пустынна в этот час. Дождь поливал, превращая выпавший за ночь снег в грязь. Но Выдре холод и дождь не помеха. Так же, как его таратайке — грязь. Он скинул тулуп, в котором бродил зимой и летом, расстелил на сиденье.

— Что-то ты молчишь сегодня, — усмехнулся Выдра. — Привык я к твоим сказкам, что ли. Ну, давай, выкладывай.

Алёха вытряхнул ассигнации, монеты, часы, сережки. Вспоминался переполюх в доме. Хорошо, что все обошлось.

Выдра принялся ловко откидывать себе, казалось, просто половину. Но скоро стало ясно, что оставшаяся половина состояла из монет помельче и часов. Ассигнаций — по пальцам пересчитать. Рука Выдры остановилась и протянула последний большой перстень с граненым кровавым камнем.

— Матери лекарство купишь.

Алёха кивнул. Молча сгреб свою долю за пазуху и быстро спросил:

— Зачем тебе, ведь ты...

— Мертвый, — усмехнулся Выдра. — Должок остался, держат меня здесь. Сыном держат. Им все пригодится: кольца, серьги, души. Чего побледнел? Обычное дело... Пора мне, парень. Светает.

Лицо его принялось тускнеть. Насмешливый взгляд, улыбающееся лицо в щетине с проседью стало почти прозрачным. «Будто стекло на веранде после зимы. Тусклое. Но сквозь него видны ветки яблони, вишни в саду...» — думал Алёшка. Вот и сейчас сквозь Выдру была видна излучина реки, поросшая ивняком, Кладбище недалеко — рукой подать. А Выдры уже и след простыл.

Алёшка пошел к городу. Свернул к скупщику. Тот жил в хибаре, далеко от дороги. Потом купил в аптеке лекарство. На базаре привычно прогулялся по рядам. Сунул пару ассигнаций Кольше, бездомному. Тот вскинул глаза на парня, заулыбался, пробормотал:

— Алёшка, сам еле-еле концы с концами сводишь.

— Ты улыбаешься, и мне хорошо. А что еще надо, дядя Коля...

Подсунул немного монет и ассигнаций тетке с самодельными дорожками. Тетка Нюра денег у него не брала, руками махала. А у самой в доме мал мала меньше. Одного из старших, друга Алёшки, в рекруты забрали.

Парень купил берестяной туесок с медом прошлогодним, гречишным, темным, как деготь, молока утреннего и масла плеху небольшую — в крынке. Продавец еще сунул банку варенья вишневого на меду, засахаренного.

Матери от гретого с маслом и медом молока стало новилось легче, пусть и ненадолго. Отец, работавший пасечником у помещика Колмогорова, всегда такую болтушку делал, когда кашель давил. Кашель стихал, и еле заметный румянец начинал играть на щеках. Отец два года назад погиб от медведя-шатуна, тогда совсем слегла мать. А раз пасечника не стало, то и в жилье отказали, выплатили только расчетные. Пришлось переехать в город, денег едва хватило на комнату с кухней.

Раньше только осенью поздней болезнь наваливалась, теперь мать почти все время лежала. Надсадный кашель слышен был от порога. Алёшка сбросил пальто. Накапал матери микстуру в ложку, она выпила и откинулась на подушки, следя за сыном глазами. Алёшка подбросил дров в печку. Налил в железную кружку молока, поставил греть. Плеснул кошке в блюдце. Кошка терлась о ногу и говорила: «Где бродишь? Она заждалась. Дней мало осталось».

Алексей сел на кровать, усадил мать в подушки, подоткнув сползшее одеяло. Выпоил молоко. Обнял, согревая. Мама наконец затихла и еле слышно спросила:

— Алёша, расскажи, что на улице? Снег идет и идет. И с крыши капает. Слышно, люди ходят, телеги скрипят. Потом уже и конка проехала. А тебя все нет.

— Сегодня всю ночь дождь со снегом, а ведь май, — улыбнулся Алёшка, глядя, как кошка устраивается в ногах матери, мурлычет. — Но сычик мне встретился, уже гнездо свил. Значит, скоро тепло будет. Я сегодня в удивительном месте был, мама. Шел по Фабричной — вижу, воротца неприметные в ограде, раньше и не видел их. Вхожу — а там лето жаркое, город шумит, и сад. Знаешь, как у нас с отцом на пасеке был. Яблони, вишни. А вишни — видимо-невидимо, ветви склонились до земли. Солнце пригревает, дорожки петляют среди деревьев, трава мягкая — такая только в середине лета бывает, дышится хорошо. А сам думаю: «Кто-то же посадил этот сад, вот если бы все люди разводили сады...» А потом подумал: «Жалко, что вишни осыпаются». Дом мышиный видел. Он у мыши длинный, рукавов и рукавчиков видимо-невидимо. Вещей и вещиц везде много и разных. Мыша — она такая. Характер у нее — собирать. Теснота — не пройти, и везде вишни. Они к ней катятся и катятся, весь дом засыпали...

Мама вдруг тихо сказала:

— Алёша, связался ты с ворами. Вишни эти... Меня обманываешь, людей... Плохо это.

Алёшка сначала растерялся, а потом грустно улыбнулся, глядя в окно на полосы дождя и снега.

— Плохо, мама. Почему же так устроено, один работает от зари до зари, а детям есть нечего. Другой же ничего не делает, а тайники его ломаются, мышиные норы монетами, камнями драгоценными невиданной красоты забиты. Мне не надо столько, тебя бы вот на море увезти. Но никогда мне столько не заработать.

И ты ведь знаешь, на работу меня не хотят брать. Кто боится, а кто обманщиком считает... Ну и пусть. Вот еще немного денег подкопим, и к морю уедем. Там я буду рыбу ловить, а ты за садом ухаживать. На море, говорят, воздух лечебный.

— Кто говорит, Алёша?

— А аптекарь рассказывал, и пес один, он на поезде прибил к торговому люду и приехал оттуда. Все жалел, что название родных мест на нашем языке не знает... Я ему сказал: «Доберешься до моря, там дальше у своих спросишь. Местные подскажут». И посадил на поезд. А еще, говорят, кедрач лечит. Третьего дня я по Ивановской шел — там кедр вырос, махина, выше дома купца Селиванова. Я забрался на кедр, сел в развилке. Красота такая! А дух смолистый, чистый. Внизу город пытит трубами. Дымы угольные хвостами тянутся, конка гремит, дворник метлой скребет, пыль столбом. А тут даль такая вокруг... хрустальная. Будто вода в роднике, когда каждую травинку и камень видать.

Алёшка говорил-говорил, пока мама не уснула с улыбкой на губах. Она думала, что вот охота ему сказки свои сочинять, как он дальше жить будет, ведь загремит на каторгу, но как же хорошо ей его слушать... Он думал, что такой вот он дурак, только и способен, что свои сказки рассказывать, ничего для матери сделать не может. Везти ее надо к морю, там она согреется и кашлять будет меньше. А на что везти...

И ушел. Думал про то, что кошка сказала — что дней матери мало осталось, про Выдру, про его слова, что долг у него, что мертвый он. Думал о том, как это быть мертвым. Но думать об этом страшно, когда болеет мама. И он думал о девочке, которая ездит с отцом пожарным и помогает ему заливать воду в бочку. Вчера ее отец погиб на пожаре. Алёшка видел похоронную процессию и девочку, идущую за гробом. Она шла рядом с матерью, вцепившись пальцами в край телеги.

Дом пожарного все знали. Возле реки. Гора бочек для воды и пожарная каланча с колоколом. С детства Алёшка прибежал сюда и видел, как девочка моталась, повиснув на колоколе, била в него. Ей хотелось, чтобы услышал тот, кто на небе, и кто-то, кто бы отправился отцу на помощь. И еще кто-нибудь, чтобы отец был не один, там, на пожаре. И она била и била.

Сейчас здесь тихо. Пожарная телега брошена посреди большого двора. Раскисшая земля блестела лужами. В распахнутых настежь воротах сеновала стояла лошадь и жевала сено.

Девчонка обернулась на стукнувшую дверь.

— Здравствуйте.

— А, это ты, — тихо сказала она. — Сегодня ни разу не позвали. Будто в городе погасли все огни.

— Не дает мне растопить печь, — сказала хозяйка, пряча заплаканные глаза.

Печь не топлена, в доме холодно и темно. У пожарного Рогова совсем небольшой, но красивый дом. С резными ставнями. Алёшка принялся растапливать печь. Поглядывал на девочку. Она, сидя на полу,

плела корзину. Руки выхватывали ивовые прутья из бочки с водой, где те мокли, ловко гнули, укладывали рядами. Корзины у нее получались ладные. И сама она такая, что уходить не хочется. Серые глаза отчаянные. Алёшка подошел, взял прут и сплел из него гуся. Гусь стоял на дыбах, раскрыв крылья и вытянув шею. Уголок губ девчонки насмешливо дрогнул.

— Поедешь со мной, если позовут? — быстро спросила она. — Мне одной не справиться...

— Поеду.

Алёшка не стал говорить, что команда пожарная поедет обязательно, что они не будут одни. Он знал, что у ее отца была своя пожарная телега с насосом, что Василий Потапович давно был на пенсии. Просто он каждый раз срывался и ехал тушить. А теперь Поля, выходит, собралась сама.

В этот вечер так и не позвали, не забил пожарный колокол. И Алёшка ушел домой. Хоть и кошки скребли на душе, но домой надо. Дома просто сказал матери:

— У Поли был. Василий Потапович погиб третьего дня на пожаре.

Мама прошептала:

— Как жалко-то...

Сегодня ей весь день было легче. То ли от тепла в доме, то ли от молока с медом, то ли оттого, что Алёшка рядом, и кошка в ногах свернулась, и в окне привычно мелькал фонарь, раскачиваясь на ветру. А сейчас вдруг показалось, что, может быть, все это кончается для нее. Она заплакала.

Алёшка сидел рядом и гладил ее по голове.

— Ну что ты, что ты, все будет хорошо, вот увидишь... Василий Потапович удивительный человечик, ведь на пенсии давно был, а все равно на пожар спешил... А какие руки у него золотые — наличники на окнах сам вырезал, в травах и птицах. Солнце в завитки эти кружевные светит, играет...

Он говорил, смотрел в темное окно, а сам все боялся, как бы ему не уснуть. Вдруг колокол забьет... как Поинка одна... она ведь рванет...

Ночью забил пожарный набат. Алёшка подскочил и — бежать. Мчался через весь город.

Навстречу, гремя бочкой и колесами, из переулка, где жил пожарный, вылетела телега. Поля, стоя на телеге, вцепившись в поводья, лихорадочно шептала:

— Быстрее, моя хорошая, быстрее! — И лошадь неслась быстрее.

Алёшка запрыгнул на ходу.

— Где горит?

— Сказали, на Речной! Дом Лужиных.

Пожарная команда уже была там. Мужик крикнул, чтобы Алёшка вставал к насосу. Поля бросила телегу и побежала к дому. Ее не пускали. В доме — никого: успели выйти... Двухэтажное здание почти прогорело, но пламя остановили, и оно не перекинулось дальше. На дереве в саду кричала кошка, ей опалило уши и спину, и она не подпускала к себе. Алёшка бродил по пожарищу, не слыша больше ни души.

Уже под утро возвращался домой. Показалось, что рядом кто-то есть. Обернулся, справа шел Вы-

дра. Алёшка опять пошел, оставившись перед собой в мокрые, поблескивающие камни мостовой. Спросил:

— Почему тебя так звать?

Выдра ответил не сразу. Будто не хотел. С какой стати отвечать, все всё хотят знать, вечно лезут не в свое дело. Но вдруг быстро сказал:

— Могила у заводи, на взгорке. У выдры под взгорком дом. В буреломе, у омута. Люблю смотреть, как она в воде, перевернувшись на спину, детей своих катает.

Алёшка удивленно улыбнулся:

— Надо же... катает... А как раньше звали?

— Степаном Ивановичем. Завтра ты мне нужен будешь...

— Я не пойду, Степан Иванович.

— Да-а? — язвительно протянул Выдра, прищурившись. — Чего так?

Алёшка повернулся к нему:

— Мать без меня помрет, не прошу себе. И Поинка как безумная на пожар летит. Я в пожарные пойду!.. Убивать будешь? — Парень раскинул руки и невесело рассмеялся.

Выдра скривился, устался куда-то мимо головы Алёшкиной, в кирпичную кладку дома напротив. И исчез. Только голос его глухо прозвучал из пустоты:

— Раньше не простил бы. Но ты по сердцу живешь. Вишни эти, даль хрустальная... У тебя свои часы, не мне их останавливать. Не поминай лихом, парень!

